

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 340–345

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 340–345

<https://bonjour.sgu.ru>

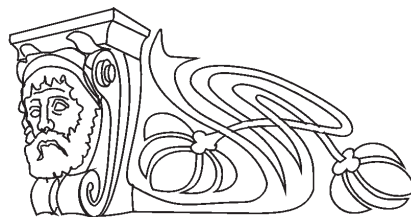
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-340-345>, EDN: JWJQUJ

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31+929Юзефович

Образы буддийских иерархий в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото»

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай, 518172, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзида-сюэюань, д. 1

Дубаков Леонид Викторович, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье производится анализ образов буддийских иерархий и их функций в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» в рамках большого исследования, посвящённого изучению «буддийского текста» современной русской литературы. Сюжет «Похода на Бар-Хото» представляет собой развитие «Записок Солодовникова» из романа «Князь ветра»: писатель концентрирует и переосмысляет в новом произведении и те буддийские образы и мотивы, которые были созданы им ранее, а у главного героя появляется биография – в том числе религиозная. Гневные защитники буддизма (докшиты и дакини) (или тёмные духи, их подменившие) и высокие светлые иерархии (будды и бодхисаттвы) в этой книге определённым образом характеризуют персонажей, которые с ними соприкасаются, выражают сложные комплексы их чувств (искусительная и завоевательная чувственность Лины; творческая умиротворённость Солодовникова), отчасти определяют их внешний облик (неуверенность походок Зундуй-гелуна и Цаганжапова). Также они выступают в качестве метафор, позволяющих раскрыть сущность неоднозначных явлений, таких как, например, стремление к национальному самостоянию, переходящему в национальную гордыню, или очарование войной и отвращение к ней. Кроме того, буддийские иерархии «Похода на Бар-Хото» являются символами трансцендентной реальности, контакт с которой обусловлен внутренней сутью героя и при этом меняет его судьбу (посмертное возможное приобщение к мудрости князя Дамдина; принятие мира, исполненного страстей и страданий, погружающимся в прошлое, пишущим мемуары Солодовниковым). Наконец высокие буддийские иерархии, демонстрируя условность своей формы и проявляя агенциональный характер, преображают в романе окружающее пространство, становясь частью интерьера и пейзажа, светом и сиянием, растворяющим земные человеческие противоречия. Также в статье проводится параллель между имеющими схожие мотивы романом Леонида Юзефовича и повестью Вс. Иванова «Возвращение Будды» с точки зрения духовных изменений, что происходят с их главными героями: Солодовников и профессор Сафонов, соотносясь с высоким буддийским образом, обретают способность к неотмирному, надмирскому взгляду на реальность.

Ключевые слова: Л. А. Юзефович, буддизм, буддийские иерархии, функции сакральных образов

Для цитирования: Дубаков Л. В. Образы буддийских иерархий в романе Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 340–345. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-340-345>, EDN: JWJQUJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Images of Buddhist entities in L. A. Yuzefovich's novel *Campaign to Bar-Khoto*

L. V. Dubakov

Shenzhen MSU-BIT University, 1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province 518172, China

Leonid V. Dubakov, dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article deals with the analysis of the images of Buddhist entities and their functions in L. A. Yuzefovich's novel *Campaign to Bar-Khoto* as part of a large research concerned with studying the “Buddhist text” of the modern Russian literature. The plot of *Campaign to Bar-Khoto* is a development of “Solodovnikov’s Notes” from the novel *Prince of the Wind*: in the new novel the writer focuses on and reinterprets those images and motifs (Buddhist ones among them), which he created earlier, and the hero has a biography – including the religious one. The angry defenders of Buddhism (dharma-palas and dakinis) (or dark evil spirits who replaced them) and high light entities (buddhas and bodhisattvas) in this book outline the characters who come into contact with them in a specific way, express the complexities of their feelings (Lina’s tempting and conquering sensuality; Solodovnikov’s creative serenity), and partly determine their appearance (the uncertainty of Zunduy-gelun’s and Tsaganzhapov’s gait). They also act as metaphors to reveal the essence of ambiguous phenomena, such as, for example, the desire for national independence evolving into national pride, or the fascination with war and disgust for it. In addition, the Buddhist entities of *Campaign to Bar-Khoto* are symbols

of a transcendent reality, contact with which is conditioned by the inner essence of the hero and at the same time changes his fate (posthumous possible accession to the wisdom of Prince Damdin; acceptance of the world filled with passions and sufferings by Solodovnikov, who plunges into the past and writes his memoirs). Finally, the high Buddhist entities, demonstrating the conventionality of their form and revealing their agential nature, transform the surrounding space in the novel, becoming part of the interior and landscape, light and radiance, dissolving earthly human contradictions. The article also draws a parallel between Leonid Yuzefovich's novel and Vsevolod Ivanov's story *The Return of the Buddha* in terms of the spiritual changes that occur to the protagonist: Solodovnikov and Professor Safonov, correlating with the high Buddhist image, acquire the ability to an otherworldly, supra-worldly view of reality.

Keywords: L. A. Yuzefovich, Buddhism, Buddhist hierarchies, functions of sacral images

For citation: Dubakov L. V. Images of Buddhist entities in L. A. Yuzefovich's novel *Campaign to Bar-Khoto*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 340–345 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-3-340-345>, EDN: JWJQUJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

О буддийских концепциях, практиках и мотивах в творчестве Л. А. Юзефовича написано уже несколько работ [1–5]. Действие книг писателя часто происходит в Монголии и Бурятии, и потому буддизм в той или иной форме часто оказывается в центре его произведений. Более того, отмечается, что буддизм не только обуславливает тематический строй юзефовичевских книг, но и влияет на отдельные составляющие их поэтики. Современное литературоведение исследует присутствие буддизма в художественных произведениях в рамках концепции «буддийского текста», что восходит к «петербургскому тексту» В. Н. Топорова [6]. Так, например, «буддийский текст» анализируется как часть ориентального дискурса русской литературы в книге Р. Ф. Бекметова [7].

Леонид Юзефович не раз в своём творчестве обращался к буддизму. Буддийские элементы образа барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга осмысляются в книге «Самодержец пустыни» (1993) и повести «Песчаные всадники» (1984). Буддийские мотивы присутствуют в романах «Князь ветра» (2001), «Журавли и карлики» (2008), в рассказе «Убийца» (2018), в некоторых стихотворениях. Буддийские практики актуализируются в «Князе ветра», в «Песчаных всадниках», в «Убийце».

Новый роман Л. А. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» (2023) полон многочисленных повторов: схожую проблематику, образы героев, отдельные сюжеты и мотивы можно обнаружить в названных выше «Самодержце пустыни», в «Песчаных всадниках», в «Князе ветра». Однако, по справедливому замечанию Ю. Г. Сапрыкина, в «Походе на Бар-Хото» «важные для автора мотивы и темы как бы сконцентрированы, очищены до состояния кристаллической решетки» [8]. При этом нужно также добавить, что некоторые из них в новой книге приобретают иные или дополнительные значения.

Одна из важных тем творчества Леонида Юзефовича – соотношение двух версий буддизма: буддизма, чья этика основывается на учении Будды Шакьямуни, исходит из Четырёх благородных истин и Восьмеричного благородного пути, делает акцент на сострадании и мире, и буддизма, который, придя в Восточную Азию, приобрёл специфические национально-культурные черты, включив в свой пантеон и переосмыслив местные божества и трансформировав некоторые магические культы. Этот последний фактически оказался двойственной религией по своему этическому заряду: преодоление местного языческого и страстного компонента к началу XX в. совершилось в нём не полностью, поскольку в значительной степени такое преодоление зависит от уровня сознания, от чистоты самих верующих.

Главный герой «Похода на Бар-Хото» Б. А. Солодовников в начале своих мемуаров говорит о буддизме как о религии «тайновидения и сверхчувственной мудрости» [9, с. 17], позже «на смену этим умозрениям пришло живое чувство» [9, с. 17], и это чувство оказалось непростым, потому что в Монголии «в милосердном учении Будды с его директивой щадить всё живое имелся, оказывается, свой подвальный этаж, куда нет входа наивным адептам жёлтой религии» [9, с. 98]. Для писателя и его героя вопрос о восприятии учения Будды – не отвлечённый вопрос, это вопрос о возможности или невозможности превращения человека в «сверхчеловека» и о ницшеанском выходе за пределы добра и зла и об их последствиях, вопрос о возможности или невозможности подлинной гармонии.

Этот вопрос рассматривается Л. А. Юзефовичем через обращение к образам буддийских иерархий. Один из таких образов – это фигура Чжамсарана, гневного монгольского «докшита», или «защитника Учения». Чжамсаран – божество, чья ярость направлена на врагов

буддизма. Зундуй-гелун (прототипом которого является, в частности, Джа-лама, а литературной версией – Джамби-гелун из «Князя ветра»), убивая человека, совершает ритуал освящения знамен: «...в нём поселилась некая сила, соприродная его душе, но не вполне обжившаяся в его теле» [9, с. 216]. Квалифицировать этот эпизод с религиозной точки зрения непросто: возможно, правильнее здесь говорить об одержании персонажа – но даже не двойственной иерархией (или тёмным языческим духом, подменившим докшита в сознании героя), а скорее идеей: Зундуй-гелун не читал «Волю к власти» Ф. Ницше «и вряд ли слышал о нём от Дамдина, но что-то такое носилось тогда в воздухе от Германии до Монголии» [9, с. 253]. Эта идея о необходимости сокрушающей внечеловеческой воли ради национального возрождения погубит вначале князя Дамдина, что выступает за прощение врагов, но оказывается сломлен поступком Зундуй-гелуна, которого он ранее поддерживал и идейно вдохновлял, а затем погубит бывшего подхорунжего Цаганжапова, который в конце романа, согласившись с якобы правильным поведением Зундуй-гелуна и пропитавшись национальной гордостью и ненавистью, предстанет «маленьким, сердитым, в пиджаке с чужого плеча» [9, с. 260] стариком с лыжной палкой в руке (на «скользкой» дороге). При этом проблема Зундуй-гелуна, Цаганжапова и других участников похода на Бар-Хото (а шире – людей революционной воли к власти) состоит не столько в обращении к Чжамсарану, сколько в совершаемой ими подмене: цель опасной, но всё же трансформации человеческого духа в том числе через проведение ритуала (который на самом деле должен быть символическим) оборачивается целью национальной, классовой, государственной победы, достигаемой через пролитие реальной чужой и своей крови. А обоснования насилия базируются на буквально, а значит, неверно понятой буддийской догматике и будто бы оскорблённом чувстве национального самостояния.

Другой образ буддийской иерархии в романе – это дакиня. Дакиня – буддийское божество, которое, подобно Чжамсарану, хранит буддийское учение и его практиков. В другом понимании дакини – это злые духи, соблазняющие практиков. Юзефович приводит в романе легенду, связанную с этой иерархией: спереди она выглядит как прекрасная девушка, а сзади у неё «спины нет, все внутренности наружу» [9, с. 94]. Образ дакини появляется у Юзефовича

в романе «Князь ветра» [3, с. 1088–1089]: Елена Карловна Довгайло, позже – Ергонова, обращающая внимание Путилина, что застёжки на платье порядочной девушки должны быть не спереди, а сзади, оказывается убийцей дважды – когда она спасает мужа и когда мстит за любовника. Она привлекательна, но «за её спиной» – в её прошлом два убийства, мотивированные мыслями о возлюбленных. В «Походе на Бар-Хото» версией дакини оказывается Цыпилма, жена Дамдина: так, тот замечает, что дакиня – «отличная <...> аллегория женской сущности» [9, с. 94], имея в виду частое противоречие между привлекательной внешностью и трудным характером. И в большей степени с этим образом соотносится возлюбленная Солодовникова Лина. В конце книги образ деревянного фаллоса, созданного якобы для уловления сексуальной энергии дакинь, прилетающих соблазнять монахов («детородный мужской орган в человеческий рост, услада лишенных спины демонических самок» [9, с. 243]), окажется художественным произведением одного из любовников Лины. Но важнее, что Солодовников также сравнит с дакиней войну, которую в её неприукрашенном облике увидит Дамдин: «Такова, в сущности, и война – с той лишь разницей, что вначале мы видим ее со спины, с парадами и развернутыми знаменами, а потом она оборачивается к нам оскаленным ртом трупа» [9, с. 219]. Война, подобно дакине, противоречива: она способна сохранить государственность, отведя угрозу и восстановив национальный дух, и одновременно она порождает огромное количество страданий и смертей, привлекательность войны в начале оборачивается отвращением к ней в середине и особенно в конце.

Ещё один образ буддийской иерархии романа – Белая Тара. Белая Тара – одно из буддийских божеств, связанных с проявлением сострадания и милосердия. Солодовников, пишущий мемуары, делает это «под взглядом семи ее всевидящих миндалевидных очей» [9, с. 69]. Статуэтка Белой Тары спасена им из вагона с металлическими буддийскими божествами, которых везли на переплавку. Божество милосердия с глазами даже на ступнях, чтобы видеть страдания существ во всех мирах, включая нижние, это фактически муза Солодовникова. После войн и посреди утрат, вспоминая и переосмысляя увиденное и пережитое, Солодовников вдохновляется Белой Тарой: «взгляд семи ее глаз напоминает» ему «о том, зачем все мы проходим наш земной путь» [9, с. 160].

Ответа на этот вопрос в тексте нет, но в целом он понятен. Схожий образ присутствует в рассказе Юзефовича «Убийца». У повествователя на подоконнике стоит статуэтка бодхисаттвы Гуань Инь, бодхисаттвы Сострадания. Сияние Гуань Инь, растворённой в пейзаже, покрывает в рассказе зло и страдание неземным лунным светом, даря надежду на возможность будущего спасения [4, с. 672].

У Гиршовича в «Походе на Бар-Хото» на столе стоит бронзовый бодхисаттва Маньчжушри. Этот бодхисаттва Мудрости – ещё одна иерархия, говорящая о возможности трансцендирования жизни, полной земных заблуждений и страданий. Гиршович – журналист, и потому его комната для «покровителя просвещения с поднятым мечом» [9, с. 236] – это вполне подходящее место. На этой статуэтке сфокусируется внимание также, когда Гиршович покажет фотографию Лины, что вызовет у Солодовникова боль, которую потребует купировать мудростью. Но бодхисаттва Маньчжушри будет упомянут повествователем и в связи с князем Дамдином: «Бодхисаттва Маньчжушри мечом рассек мрак его заблуждений, поэтому никакого оружия при нем не было, в руке он держал бутон лотоса – знак покоя и совершенной радости» [9, с. 281]. Повествователь, думается, выдаёт желаемое за действительное: вряд ли самоубийца Дамдин приблизился перед смертью и в посмертии к покою и радости, – но, как и в рассказе «Убийца», умиротворяющая и просветляющая энергия буддийской иерархии адресована не столько герою, сколько читателю. В верлибре Леонида Юзефовича «Рассекая мрак» статуэтка бодхисаттвы Маньчжушри также оказывается спасена «от мученической смерти / в плавильной печи» и находится в доме героя стихотворения, напоминая ему о тщете борьбы за «мировое господство» или как минимум о конечности и скоротечности жизни, которая покрывает творческие порывы ежедневной мирской пылью [10].

Буддийские иерархии в «Походе на Бар-Хото» выражают собой те или иные качества – волю за границами добра и зла в их обычном понимании, милосердие и сострадание, мудрость, также в своём антропоморфном или ксеноморфном облике они соотносятся с героями произведения и при этом изображаются повествователем как живые существа со своей судьбой, что часто, в отличие от людей, выводит их за пределы если не материи, то формы. Так, Солодовников спасает Белую Тару, обращая

в связи с этим внимание на то, что безногого Будду из Эрдени-Дзу увезли на переплавку, и «если его мучили фантомные боли в отрубленных Абатай-ханом конечностях, страдания прекратились; он возродился в облике бронзовых подшипников, втулок и стержней, устойчивых к воздействию агрессивных сред вроде морской воды, или дверных ручек и люстр московского метро» [9, с. 160–161]. Будда из Эрдени-Дзу – святыня монгольского народа – продолжает свою жизнь, меняя форму, но сохраняя суть – беззаветное служение живым существам.

Можно заметить, что сюжет перевозки статуи Будды по железной дороге и обретения Им новой жизни напоминает о повести Вс. Иванова «Возвращение Будды» (1923), в финале которой главный герой профессор Сафонов обнаруживает свою буддовость [11, 12], в какой-то степени становится «гыгеном», или гэгеном, воплощённым божеством – вместо Дава-Дорчжи, презревшего свой буддийский путь.

Эту трансформацию в ивановской повести фиксируют два эпитафия – к первой и к последней главе. Первый эпитаф: «...Один Будда являлся в бесчисленных видах, и в каждом из бесчисленных видов – является Будда» [13, с. 18] – основывается на буддийской теории Татхагатагарбхи («Её истинная сущность – всезнающее сознание, покойное и чистое по своей собственной природе и характеризующееся как вечность, блаженство, истинное Я, чистота. <...> Эта сущность наделена всей полнотой этих качеств, не имеющих какого-либо недостатка, и называется Вместилищем Так Приходящего (Татхагатагарбха), а также называется Дхармовым телом (Дхармакая Так Приходящего)» [14, с. 79], согласно которой «единое и абсолютное сознание (экачитта) прямо называется истинным и пробужденным Я всех живых существ» [15, с. 292]. Или иначе: «...речь идёт о зародыше “буддовости” (буддхатва), природы будды, потенциально присутствующей в любом живом существе и обуславливающей принципиальную возможность обретения им состояния будды» [15, с. 290]. В этой связи образ неба, наполненного запахами земли, и последнее слово повести может быть прочитано и как намёк на отдалённую возможность примирения беспокойной жизни перед вечностью, и как намёк на грядущее соприкосновение профессора с единым сознанием мира.

Последний эпитаф повести – это сборная цитата из стихотворения вдохновлённого буддизмом китайского поэта Тао Юань-Миня

«С самой юности чужды...» из цикла «Возвратился к лесам и полям»: «...В дымке, в дымке села далеких людей. Люблю свой дымок на пустыре. На дверях и на дворе нет мирской пыли, в пустом шалаше живет в довольстве свобода. Я долго был в клетке» [13, с. 68]. Эти же строки в более прозрачном переводе Л. З. Эйдлина звучат так: «Во дворе, как и в доме, / ни пылинки от внешнего мира, / Пустота моих комнат / бережёт тишину и покой. / Как я долго, однако, / прожил узником в запертой клетке / И теперь лишь обратно / к первозданной свободе пришёл» [16, с. 42]. В этих стихах обращают на себя внимание слова и образы, которые могут быть прочитаны сквозь буддийское миропонимание [17, с. 8]: противопоставление сансарического бытия мирской жизни, лишённой свободы, и подлинной пустотной реальности, открывающей человеку изначально освобождение. Цитируя книгу Е. А. Торчинова: «...как под слоем глины и грязи скрывается золотая статуя, так и в каждом живом существе скрыта природа будды, которую можно реализовать» [15, с. 290], можно отметить, что, вероятно, неслучайно в конце повести статуя Будды остаётся полностью без золота, а профессор Сафонов умирает с золотым зубом во рту. Равно как неслучайно и название повести, говорящее не столько о возвращении статуи Будды в Монголию, сколько о начале пробуждения истинной природы главного героя и о его возвращении к своей сути: профессор преодолевает сансарический сон окружающего («Взгляд толпы рассеянный, сонный», «сонноглазые люди», «сонно смахивает пепел со щек», «Дава-Дорджи, сытый и сонный», «Глаза сонные, как паутина», «сонные солдаты», «пески несутся сонными струями», «В песочных струях сонны люди», «Сонноподобный песчаный город» [13, с. 28, 29, 32, 57, 64, 72, 75, 78] и «созерцает беспредельный ясный свет пустотного Дхармового Тела, тождественный его собственной изначальной природе» [18, с. 75], ведь «только имея бодрость и ясный ум <...> можно творить» [13, с. 75] и жить по-настоящему.

Образы буддийских иерархий в романе «Поход на Бар-Хото» служат писателю в качестве символов трансцендентной реальности, с которой соприкасается сознание героев произведения. И это соприкосновение определённым образом меняет их сознание. Зундуй-гелун и Цаганжапов, подменяя сложную духовную практику и стремление к недифференцированной реальности стремлением к ограниченной

национальной особости и волей к власти, вступают в контакт с разрушающей языческой энергией, не полностью трансформированной буддизмом. Князь Дамдин, увидев то, как именно реализуется его проект, по ощущению повествователя, как будто прозревает в посмертии бесконечное пространство мудрости Маньчжуши, а его образ в сиянии ярких, золотых красок утрачивает все свои анатомические огрехи [9, с. 280], если не грехи. Солодовников пишет свои мемуары, будучи ведомым Белой Тарой и чувством любви к Монголии и к людям, любви, которая беспричинна. В последней главе «Похода на Бар-Хото» главный герой говорит о реке Селенге, название которой напоминает ему об античной богине Селене (см. также рассказ «Город на реке» [19]). И для него это лунная река. Комплекс авторских ассоциаций, таким образом, увязывает воедино Селенгу, Селену и Белую Тару – лунную богиню. Молочный лунный свет Белой Тары оказывается способен убелить «памятник красноармейцам-интернационалистам» [9, с. 267], умягчая, как в рассказе «Убийца», страдания Гражданской войны. Белый цвет первого снега оказывается способен преобразить землю Бурятии и Монголии, вместе с тем утишая внутренний мир главного героя, не ставшего буддистом, но оставившего возле этой земли и этой религии своё сердце, ощутившего в старости их трансцендентную гармонию.

Список литературы

1. Ишимбаева Г. Г. Фаустовский сюжет в буддийской транскрипции («Князь ветра» Л. Юзефовича) // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2013. № 6. С. 147–149. EDN: RPTQQV
2. Дубаков Л. В. Буддийские аспекты образа барона Р. Ф. Унгерна фон Штернберга в повести «Песчаные всадники» Л. А. Юзефовича // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 16–23. <https://doi.org/10.17223/15617793/483/2>
3. Дубаков Л. В. Концепции буддийской пустотности и иллюзорности в романе Л. А. Юзефовича «Князь ветра» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, вып. 5. С. 1085–1092. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-5-1085-1092>
4. Дубаков Л. В. Функции буддийских практик в творчестве Л. А. Юзефовича // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28, № 4. С. 671–678. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2023-28-4-671-678>
5. Дубаков Л. В. Человек как буддийская мнимость в романе Л. А. Юзефовича «Журавли и карлики» //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27, № 4. С. 669-676. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-4-669-676>
6. *Топоров В. Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М. : Прогресс : Культура, 1995. С. 259–367.
 7. *Бекметов Р. Ф.* Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань : РИЦ «Школа», 2018. 328 с.
 8. *Сапрыкин Ю. Г.* Утешение посреди тлена. О «Походе на Бар-Хото» Леонида Юзефовича. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4008666/?ysclid=lsaeg26fd6883627957> (дата обращения: 07.02.2024).
 9. *Юзефович Л. А.* Поход на Бар-Хото. М. : Редакция Елены Шубиной, 2023. 288 с.
 10. *Юзефович Л. А.* Рассекая мрак. URL: https://vk.com/id708238621?w=wall708238621_4347%2Fall (дата обращения: 07.02.2024).
 11. *Дарьялова Л. Н.* «Возвращение Будды» Г. Газданова и «Возвращение Будды» Вс. Иванова: опыт художественной интерпретации. URL: <https://www.hrono.ru/statii/2001/dar9.html> (дата обращения: 07.02.2024).
 12. *Сорокина Г. А.* Повесть Вс. Иванова «Возвращение Будды»: идеи революции и буддизма // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2 (30). С. 156–163. EDN: WDZIXX
 13. *Иванов Вс. В.* Возвращение Будды : повесть; Чудесные похождения портного Фокина : повесть; У : роман / сост. и вступ. ст. Т. В. Ивановой. М. : Правда, 1991. 480 с.
 14. Тракта́т о пробуждении веры в Махаяну // Философия китайского буддизма / пер. с кит. Е. А. Торчинова. СПб. : Азбука-классика, 2001. С. 43–157.
 15. *Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб. : Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с. (Orientalia).
 16. *Тао Юань-мин.* Лирика / пер. с кит. [сост., вступ. статья и примеч.] Л. Эйдлина. М. : Художественная литература, 1964. 150 с. (Сокровища лирической поэзии).
 17. *Дагданов Г. Б.* Чань-буддизм в творчестве Ван Вэя / отв. ред. Л. З. Эйдлин. Новосибирск : Наука : Сиб. отд-ние, 1984. 134 с.
 18. *Торчинов Е. А.* Буддизм: Карманный словарь / прил. П. В. Берснева. СПб. : Амфора, 2002. 188 с.
 19. *Юзефович Л. А.* Город на реке // Тотальный диктант : [сайт]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/gorod-na-reke/> (дата обращения: 07.02.2024).

Поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 02.04.2024;

принята к публикации 08.05.2024; опубликована 30.08.2024

The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 02.04.2024;

accepted for publication 08.05.2024; published 30.08.2024